

Глава 1

Мужчина сидел прямо на камнях мостовой, прислонившись спиной к парапету набережной. Длинные ноги, обутые в тяжелые ботинки, он подобрал под себя, так что не мешал редким прохожим сворачивать с набережной канала на мост Риальто. Лицо его украшала белая карнавальная маска. Из-под светлой, сильно испачканной куртки виднелась голая грудь. Длинные русые кудри, падающие на плечи, были темны от короткого предрастветного ливня, пролившегося над Венецией и смывшего все хмельные следы карнавала. О дожде сейчас не напоминало почти ничто — город был необычайно тих, чист и пуст. А может, казался таким после десяти дней карнавального безумия.

— Обрати внимание, — говорила маленькая американка с ярко-голубыми глазами своему спутнику. — Город вымер. Я не узнаю Венецию!

— Ты ее тут же узнаешь, как только покажут счет в гостинице, — буркнул он в ответ, борясь с одолевающей его зевотой. — Я схохну, если не выпью кофе... Голова раскалывается!

— Не надо было пить то скверное вино, — упрекнула его девушка. — Мне тоже нехорошо... Смотри, вот еще одному не повезло!

Она кивнула на мужчину, сидевшего у парапета.

— Жертва пищевого отравления, — хладнокровно заметил ее знакомый. — Слушай, этот тип отморозит себе одно место, если не пойдет спать к себе в отель. Давай-ка разбудим его.

— Синьор! — Девушка осторожно склонилась над мужчиной. — Вставайте, очень холодно! Ричард, он меня не слышит...

Парень склонился и потряс мужчину за плечо. Что-то, видимо, не понравилось Ричарду, потому что он тут же отдернул руку.

— Слушай, Сюзан, синьор-то совсем ледяной.

— Замерз? — сострадательно спросила девушка. — Конечно, никому из этих венецианцев и в голову не пришло поинтересоваться, что с ним такое. Он ведь не итальянец?

— Не знаю, — ответил парень. — Эй, друг, вставай!

— Мне страшно! — взвизгнула девушка. — Ричард, сними с него маску.

— За это можно схлопотать по морде, — заметил тот, но все же протянул руку и осторожно взялся за низ белой маски. Не встретив со стороны мужчины сопротивления, Ричард продолжил начатое дело и сдвинул маску ему на лоб. Глазам американцев открылось лицо, почти такое же бледное, как маска, которая его закрывала. Самыми яркими местами на этом лице оказались круги под закрытыми глазами — темные, почти черные. Все же остальное — щеки, губы, опущенные веки — было ослепительно-бледным и совершенно неподвижным.

— Что с ним? — сдавленным голосом спросила девушка. — Ричард, позовем кого-нибудь. Нет, не трогай его! — остановила она движение приятеля, который попытался растолкать незнакомца. — Ричард, пойдём поищем кого-нибудь! Врача, карабинера! Все равно!

НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

Внезапно раздалась итальянская речь, и оба резко обернулись.

Перед ними стоял карабинер, неизвестно какими судьбами оказавшийся этим утром возле моста Риальто. Ни парень, ни девушка не видели за время карнавала ни одного представителя итальянского правопорядка и уже успели вообще забыть о том, что таковые существуют, поэтому появление карабинера их ошеломило. Но тут же они вспомнили, что карнавал как-никак кончился и обыденный жизненный уклад вступил в свои права.

Первым пришел в себя парень. Он решительно указал на незнакомца и произнес:

— Вот!

Карабинер и сам уже видел, что «вот», и потому дальнейших разъяснений не потребовал. Он наклонился и сделал несколько легких хлопков по щекам мужчины. От этих манипуляций голова последнего упала на грудь, и стало ясно, что в горизонтальном положении незнакомец чувствует себя уверенней. Он упал.

Девушка вскрикнула. Парень обернулся и обнаружил присутствие еще нескольких зрителей, которые стояли поодаль и оживленно переговаривались, показывая пальцами на тело у парাপета. Карабинер нехорошо посмотрел на американцев.

— Он не с нами, — на ломаном итальянском принялся объяснять Ричард. — Он был здесь, когда мы пришли.

Рядом возник еще один карабинер. Представители закона обменялись оживленными репликами, после чего первый принялся вызывать по рации какого-то Джулиано, а второй сделал попытку отогнать любопытных, которые уже приблизились к парапету на расстояние нескольких шагов.

— Виа! Виа! — прокричал он.

Американцы старательно прислушивались к тому, что говорили между собой полицейские, пока им не удалось разобрать слово, повторявшееся чаще всего. «Морто!» — говорил карабинер в рацию. «Морто!» — отгонял зевак его товарищ. «Морто! Морто!» — слышалось в толпе. Парень сжал руку своей подруги.

— Сюзан, он мертв, — пробормотал он. — Вот тебе и каникулы, мама миа!

— Нам вечером улетать! — испугалась та. — Они ведь не задержат нас, Ричард?! Какой ужас!

А по Канале-Гранде уже приближались, рассекая тяжелую серую воду, два полицейских катера. Девушка плотнее запахнулась в куртку и притихла.

Американцев не задержали. Час спустя они уже сидели в кафе на площади Сан-Марко и уныло пили утренний кофе. Синее небо над лагуной постепенно затягивалось плотными облаками. Резкий февральский ветер катал по площади остатки карнавального хлама — маски, серпантин, разноцветный бумажный мусор. Еще через полчаса снова хлынул ливень, но американцев в кафе уже не было. Они ушли упаковывать чемоданы.

А мужчина, найденный рядом с мостом Риальто у Немецкого склада тем утром, 16 февраля, лежал в полицейском участке и с терпеливостью, свойственной всем мертвецам, ожидал, когда установят его личность. Личность довольно скоро была определена, что, однако, никого особенно не порадовало.

— Русский! — с досадой произнес комиссар Арицци, вбрасывая в рот сигарету и шаря по столу в поисках зажигалки. — Этого мне только не хватало... Пусть им занимается Интерпол!

— Мы все хотим того же, комиссар! — фамиллярно заметил его помощник Нино. — Но Интерпол пальцем

НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

не пошевелит, пока не будет доказано, что парень — международный преступник. Помнишь, мы пытались спихнуть им голландца?

Напоминание о голландце не улучшило настроение комиссара. Карнавал прошел для него невесело — за десять дней пришлось удостовериться в том, что жена окончательно потеряла к нему интерес. Сейчас он больше всего хотел знать, к кому она этот интерес обрела, но возможности выяснить это пока не представлялось. Русский турист волновал его очень мало.

— Вот, комиссар, что говорит Джакометти. — Нино постучал согнутым пальцем по листку бумаги. — Парня звали Демин...

— Ужасно, — отметил комиссар, исчезая в клубах дыма. — Это имя или фамилия?

— Кто их знает? — вздохнул Нино. — Нет, вроде фамилия. А имя — Ар-ка-дий...

— Что он тут делал? — спросил Арицци, проникаясь ненавистью к обладателю заковыристого имени, ворвавшегося в его личную жизнь в мирное февральское утро. — Турист, конечно?

— Вот и нет, комиссар. — Нино провел пальцем по листку. — Джакометти говорит, работал у него в мастерской, ну, знаешь, у Палаццо-Грасси.

— У меня нет монет, чтобы заказывать маски у Палаццо-Грасси, — не совсем впопад ответил комиссар, тщетно пытаясь вспомнить, что именно сказала ему жена ночью. «Ты мне надоел»? «Хватит издеваться надо мной»? «Нам нужно развестись»? «Это невозможно переносить, — подумал комиссар. — Фульвия сошла с ума этой зимой, но я ее вылечу... Узнать бы только, кто у нее завелся...»

А Нино тем временем продолжал:

АННА МАЛЫШЕВА

— Парень приехал месяц назад из России, чтобы научиться делать карнавальные маски. Приспичило ему, видишь ли...

— Да? — рассеянно откликнулся Арицца. — В другое время не мог приехать?

— Джакометти говорит, парень хорошо поработал. — Нино рассматривал листок. — Сделал несколько статуй и послал их своему заказчику в Россию. Претензий он к русскому не имеет. Очень удивился, когда узнал, что с ним случилось. Говорит, парень собирался домой.

— Он немножко опоздал, — пробурчал комиссар, постепенно собираясь с мыслями. — Слушай, Нино, пусть Джакометти явится сюда часам к двум, когда станет ясно, что стряслось с парнем.

— Я и сейчас скажу, комиссар. — Нино скривился. — Страшно смотреть, клянусь, все руки в синяках, вот отсюда досюда...

Арицци поморщился и кивнул.

— Наркотики, ребенку ясно, — подтвердил он. — Ну, если только выяснится, что он ими приторговывал во время карнавала, — прощай, русский! Им займется Интерпол!

— Хорошо, комиссар. — Нино закурил и взял в руку телефонную трубку. — Я звоню Джакометти и приглашаю его к двум часам.

— Будь вежлив, — предупредил Арицци. — Нет ничего хуже, чем иметь дело с аристократами. Смотри не нажимай на него... Если будет нужно, я найду, через кого его прощупать.

Когда Луиджи Джакометти, хозяин крупнейшей в Венеции мастерской по изготовлению карнавальных масок, явился в комиссариат, эксперт уже дал предварительное заключение.

НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

— Он умер от слишком большой дозы некачественного наркотика, — сообщил комиссар вызванному свидетелю, закуривая десятую за день сигарету. Жена до сих пор не позвонила ему, и он все больше убеждался в том, что она и не позвонит. — Демин этой ночью наширился так, что впору трем наркоманам сразу.

Джакометти — полный, очень бледный человек с оплывшим лицом — кивнул, не сводя с комиссара сонных водянистых глаз. Глаза были того же цвета, что лагуна в феврале — серо-синие, нечистого оттенка и такие же холодные. Комиссар, слушая его тяжелое, прерывистое дыхание, подумал, что человек этот очень болен и ему стоит уехать из Венеции. «Нам всем стоит уехать, — малодушно заключил он, опять вспомнив ночной разговор с женой, но заставил себя переключиться. — Во сколько обошелся ему этот костюм?»

— Вы знали, что Демин кололся? — в упор спросил Арицци.

Джакометти медленно кивнул.

— Да, знал, — просвистел он своим ненатуральным, игрушечным голосом. — Русский кололся каждый день, но притом работал как зверь. Меня не касается эта история, комиссар.

— Конечно, — согласился тот. — Меня тоже. — Джакометти на миг прикрыл глаза, и комиссар понял, что он разозлился. Однако хозяин мастерской ничем этого не выдал. Напротив, заговорил еще спокойней.

— У меня обучаются десятки скульпторов в год, — свистел и задыхался он. — Из всех стран. Из Америки, из Китая, из Японии, из Скандинавии... У меня обучались и русские. Он заранее написал письмо, мы договорились об оплате за обучение и практику. Он сам выбрал пору карнавала.

АННА МАЛЫШЕВА

— Странное время, так ведь? — подхватил комиссар. — Чему он мог научиться, когда мастерская завалена заказами и времени в обрез?

Джакометти пожал плечами и медленно вытащил из кармана шелковый цветастый платок. Методично отер им щеки и шею и возвел к потолку синие глаза.

— Я даром денег с него не брал, — снова засвистел он. — Русский научился всему, чему хотел. Я предлагал остаться на некоторый срок после карнавала, чтобы закрепить навыки, но он отказался.

— Обучение влетело в копеечку, а? — Арицци растянул губы в улыбке. — Сколько он заплатил?

— Три с половиной тысячи долларов, — скромно отозвался Джакометти. — Месяц обучения в мастерской. Практика. Диплом, все, что полагается. Он знал, зачем ему это нужно, не так ли? Я не заставлял его приезжать сюда, верно? Я поздно узнал о том, что он наркоман, а то бы не согласился принять его даже на три дня... Что поделаешь?

На лице Джакометти появилось нечто похожее на улыбку, но комиссар не был уверен, так ли это на самом деле.

— Мне очень жаль, — продолжил хозяин мастерской. — Надеюсь, все обойдется без последствий.

— Без последствий уже не обойдется, — мрачно возразил комиссар. — Он иностранец.

— Я понимаю, — вкрадчиво протянул Джакометти. — Я имел в виду репутацию мастерской. Нельзя ли не упоминать ее в прессе?

— Пока я не собираюсь ничего упоминать в прессе, — заявил Арицци. — Нино, ты переписал?

— Да, комиссар, — официально отозвался тот, выглядывая из соседней комнаты и показывая ему бумаги. —

НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

Все данные на Демина, да упокоит Мадонна его душу...
У него хотя бы не было детей.

Джакометти сохранял непроницаемое выражение лица, комиссар же уточнил:

— Жена была?

— Да, есть жена, и даже не с таким ужасным именем, — отозвался Нино. — Алла. Вполне съедобно.

— Сообщите жене, пожалуйста, — оживился Джакометти. — Я совершенно не знаю, что ей сказать. Кроме того, я ведь не обязан это делать, верно? Разговор с Петербургом стоит недешево...

— Мы сообщим, — кивнул Арицци. — Скажите, Демина имел друзей такого же пошиба? В вашей мастерской или еще где-нибудь?

— Что вы имеете в виду? — отозвался Джакометти, неприязненно глядя на него.

— Наркоманов я имею в виду. — Комиссар терял терпение. Нино весело подмигнул ему из соседней комнаты, но тому уже трудно было сдержаться. — Неужели вы не замечали, с кем он проводит время? У кого покупает наркотики?

Джакометти оскорбленно выпрямился на стуле.

— Я не нанимался следить за наркоманами, — свистнул он возмущенно. — Если русский и сошелся с кем-то, то не у меня. Я не держу у себя гадости. Спрашивайте у какой-нибудь из этих шлюх мужского пола, что шляются по Сан-Марко!

— Так он из этих?! — не выдержав, встрял Нино. — Вы уверены?

— Я, юноша, уверен только в том, что не стоит искать наркотики у меня в мастерской. Подумать только! Слава Венеции! Традиции трех веков! Меня знают во всем мире,

АННА МАЛЫШЕВА

и никто не смеет сомневаться в моей непричастности к таким гадостям!

— Прошу вас, успокойтесь, — миролюбиво произнес комиссар. — Нино, пойди погуляй! Никто не говорит, что наркотики могли покупаться у вас в мастерской. Более того, я абсолютно уверен в вашей непричастности ко всему случившемуся. Парень погиб из-за собственной глупости и вы тут ни при чем! Я только хотел бы узнать, у кого он мог приобрести некачественный наркотик и с кем проводил время весь этот месяц...

— Значит, хотите опросить моих работников? — Джакометти сменил гневный тон на усталый. — Пожалуйста, только подъезжайте к концу рабочего дня, у нас еще несколько заказов.

— Заказы? — удивился Арицци. — Но ведь карнавал уже кончился?

— Многие хотят увезти маски на память, — пояснил хозяин мастерской. — Я не допущу, чтобы заказ был сорван. Мне довольно того, что случилось. Люди станут болтать об этом целый день, а работать будет некому. Очень прошу, не тревожьте их сегодня.

— Хорошо, постараемся, — ответил комиссар, едва сдерживаясь. — Если дело позволит. Но предупреждаю вас, если окажется, что парень торговал наркотиками, огласки не избежать. Вами станет заниматься Интерпол, а им-то не стоит рассказывать про венецианскую славу! Что касается меня... — Комиссар сделал паузу и перевел дух. — Как всякому венецианцу, мне прекрасно известно, какое значение имеет ваша мастерская. Прошу извинить.

Джакометти молча поднялся и вышел, опираясь на толстую вызолоченную палку весьма карнавального вида, совершенно не вязавшуюся с его безупречным голубоватым костюмом.

НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

«Этот полутруп одевается у Версаче, — подумал комиссар. — А Фувльвию я убью!»

В мастерскую они наведались поздно вечером. Весь персонал был еще там, как и обещал Джакометти. Шесть мастеров, девять подмастерьев и один уборщик безмолвно взирали на полицейских, которые также безмолвно оглядывали помещение мастерской.

— Я в нокауте, комиссар, — прошептал Нино. — Какие рожи!

При этом он имел в виду не персонал, а слепки с масок, в изобилии украшавшие стены и груды наваленные на столах. Мастерская размещалась в полуподвале, и здесь ощутимо чувствовалась сырость. Арицци закурил, не спросив разрешения, и перевел взгляд на один из столов, который, по-видимому, недавно был очищен от картона и гипса. На этом столе стояла черная дорожная сумка, а на сумке — пара мужских ботинок.

— Его вещи, — сказал один из мастеров, встретив взгляд комиссара. — Все, что он оставил.

— Где они были? — спросил Арицци, не вынимая сигареты изо рта.

— В его комнате, — пояснил мастер. — В комнате рядом с мастерской, где он жил.

Комиссар обернулся к Джакометти.

— Да, он жил тут же, — кивнул тот. — Как и все, кто приезжает на обучение. Мы могли бы их расселить и в другом здании, но там часто не бывает воды. Здесь, по крайней мере, он мог помыться.

— Если хотел, — отозвался кто-то, и комиссар отыскал говорившего глазами.

— Что это значит? — спросил он. — Русский что же, не мылся?

— Он даже не всегда ел, — продолжал молодой подмастерье. — Ему нужны были только наркотики, больше ничего.

— Все об этом знали? — уточнил Арицци.

— Об этом трудно было не знать. — Парень пожал плечами. — Он ведь мог колотиться у всех на глазах.

— И тем не менее работал? — удивился комиссар.

— Да... Работал... — ответил ему дружный хор голосов.

— А где его работы? — Комиссар огляделся по сторонам. — Он делал что-то в таком же роде?

— В таком же роде ему было не нужно, — пояснил мастер. — Он делал гротескные скульптуры, если знаете, что это такое.

Комиссар нахмурился.

— Это что-то вроде вот таких штук, — пришел ему на помощь Нино. Он указал на небольшую статую, изображавшую странное существо, с птичьим клювом, львиными лапами и крокодильим хвостом. Остальные части тела тоже были позаимствованы у разных животных, но Арицци не смог бы сказать, у каких именно.

— Русский приехал в Венецию, чтобы обучиться делать что-то подобное? — спросил он после некоторого раздумья. — Ему необходимо было именно это?

— Наши понятия о прекрасном не всегда совпадают с понятиями о нем других людей, — вежливо заметил ему Джакометти. — Вы, как истинный венецианец, понимаете красоту карнавальной маски, даже уродливой. Это у вас в крови. Подобные же статуи не являются собственно венецианскими, но что делать? — Он развел руками. — Именно они пользуются огромным спросом в качестве сувениров. Мы изготавливаем их едва ли не в большем количестве, чем сами маски. Венецианцы их не покупают... — Он тонко улыбнулся. — Это для туристов.

НЕЖНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

— Понятно, — ответил комиссар, не отводя глаз от статуи. — О вкусах не спорят. И много он сделал таких вот работ?

— Что-то около десяти, — ответил Джакометти. — Могу вам признаться в частном порядке, что качество этих статуй меня не удовлетворяло, но, в конце концов... Это вопрос таланта...

— Скорее — добросовестности, — поправил его самый старый мастер. — Он больше думал о наркотиках, чем о работе, иначе сделал бы больше и лучше... Талант у него был, и несомненный.

— Тем хуже для него, — пробурчал Арицци. — Теперь перейдем к делу. Когда он был здесь в последний раз?

Общими усилиями вспомнили, что Демин исчез из мастерской накануне вечером. Можно сказать — в самый разгар работы. Джакометти пояснил, что именно заключительный день карнавала бывает самым напряженным — даже те туристы, которые до сих пор не обзавелись масками, в последний момент желают их занять. Заказы сыплются потоком, мастерская работает в очень напряженном режиме. Ни у кого нет времени смотреть по сторонам. Русский исчез незаметно. Его всегда тянуло на наркотики к вечеру, когда основная работа уже была закончена. Потом он приходил из города и спал, а утром принимался за дело снова.

— У него были наркотики с собой или он покупал их у кого-то? — задал ключевой вопрос комиссар. Ответ он получил самый философский.

— Неужели для вас новость, что в Венеции можно приобрести все, что душе угодно? — мягко заметил подмастерье, который собрал вещи Демина. — Он мог купить отраву. Деньги у него были.

Перешли к вопросу о деньгах. Выяснилось, что Демин расплачивался исключительно наличными, о какой бы сумме ни шла речь. У него всегда были при себе деньги, и он охотно угощал коллег по мастерской в кафе или пиццерии.

— Вы сообщили его жене? — вкрадчиво поинтересовался Джакометти.

— Еще нет, — ответил комиссар, нехотя вспомнив Фульвию. — Но скоро сообщим. Нам надо знать, что говорить ей.

— Комиссар, а вы не слишком усложняете? — мягко спросил хозяин мастерской. — Скажите, если бы это был не русский, а итальянец, как мы с вами, что бы вы сделали?

— Я сказал бы, что парень сам виноват, и положил бы дело на полку, — отозвался комиссар. — Но это иностранец, и мне надо убедиться, что его никто не убивал.

— А что показала экспертиза?

— Смерть в результате дозы некачественного наркотика, — на этот раз ответил Нино. — Парень потерял чувство меры — обычное дело для наркоманов. Рано или поздно они уже не понимают, что вытворяют с собой. Им кажется, что доза в самый раз, а на деле ею слона можно убить.

— Нино, отнеси вещи в катер, — приказал Арицци. — И возвращайся быстрее. Осмотрим его комнату. Проводите меня, синьор Джакометти.

Тот с тяжелым вздохом поднялся с кресла и двинулся в глубь помещения. Комиссар пошел за ним.

— Вот. — Джакометти остановился перед запертой дверью в конце коридора. — Это его комната, но ключа у меня нет.